

ПИСЬМА К РЫЛЕЕВУ

ПИСЬМА ГАРДОВСКОГО, П. МИХАЙЛОВСКОГО, В. П. РОМАНОВА,
Г. Р. и Ф. Р. УНГЕРИ-ШТЕРНБЕРГОВ

1. ГАРДОВСКИЙ — РЫЛЕЕВУ

Харьков. Ноября 15-го дня 1817 года

Любезный друг,
Кондрати<й> Федорович!

Письмо твое от 17-го октября помирило меня опять с тобою. Наипаче, когда обещаешь чаще писать, но бог знает, можешь ли ты сие обещание без больших пожертвований — разлучиться и телом и душою на минуту от прелестной *Натальи* ¹ — исполнить? Ты весьма искусно умеешь *положение свое* сворачивать на меня, ибо редко, кто признаёт свои слабости. Это весьма натурально, что ты *теперичи* не так зарос, ибо прекрасная Наталья у тебя, как бельмо на глазу, ты ничего не видишь, как только ее. Виноват, что я настоящее имя ее не знал, но ты сам причиной этому, надо было меня тотчас о сем предупредить, теперича уж не ошибусь.

Что касается до моего положения, то кроме почтения и благодарности за хороший прием, которым я по сих пор пользуюсь от целого дома Косовского, — нежное чувство займет мое сердце, Наст<асья> и Марь<я> совершенно ровно имеют почтение мое.

Да! Забыл я почти упрекнуть тебя за худое твое расположение ко мне; я иначе не могу сие принять, ибо по сих пор не пригласил ты меня к себе на *свадьбу* ². Ты знаешь, что я тебя люблю, за что же хочешь лишить меня удовольствия повеселиться на оной, хотя сие сделали посторонние люди, но мне гораздо приятнее бы было, если бы сам сие сделал. Я, как и прочие товарищи, весьма жалею о положении твоём. Наталья пользуется любовью и дружбой твоей, которая нам принадлежала, твой *Мотылек* и *Надежда* ³ довольно ясно изображают опальное твое положение. Они мне из твоих сочинений, присланных мне, наиболее нравятся; я надеюсь, что и впредь будешь мне их присылать.

Маленькому Миллеру ⁴, этому немцу, скажи, что, когда он впредь будет ко мне писать, то чтобы наперед дал бы свободное течение — покупался бы в Дону и не щурил бы свои милейшие глазки, а то что-то он слишком очень с большим восторгом говорит об Наталье, я слышал, что он сильную атаку сделал на *Верку*, но получил *рану* — по дружбе рассказал я храбрость и неустрашимость его А. И. Косовскому; пожелай ему от меня впредь лучшего успеха и в объятиях чудесной *Верки* охладил бы пылкое свое воображение и энтузиазм об Наталье. Ты имеешь, я слышу, многих соперников. Как вы бедные достойны сожаления: одному она только может достаться, и прочие могут опробовать скачок с Левкада; место около пещеры святой Марии довольно сходствует с оным, а воображение дополнит прочее; это добрый совет любезным товарищам.

Твой тебя любящий друг Гардовский

Р. S. К маленькому Феде с первой почтой напишу.

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 52, лл. 1—4.

В печатающихся ниже воспоминаниях А. И. Косовского утверждается, что из одиннадцати офицеров, служивших в конно-артиллерийской роте вместе с Рылеевым, никто не любил его (см. стр. 240). Публикуемое нами письмо Гардовского, сослуживца Рылеева, несколько опровергает это утверждение Косовского. Письмо Гардовского проникнуто неподдельным чувством в отношении «любезного друга Кондратия Федоровича». Гардовский говорит здесь о том, что любовь и дружба Рылеева — до его увлечения Н. М. Тевяшовой — «принадлежала нам», его товарищам по военной службе.

¹ Невеста Рылеева Наталья Михайловна Тевяшова (см. о ней в печатающихся ниже воспоминаниях А. И. Косовского).

² Свадьба Рылеева, состоявшаяся в начале 1819 г., очевидно, ожидалась уже задолго до этого, еще в ноябре 1817 г. Рылеев принужден был откладывать женитьбу, так как не получал согласия на брак от матери (см. его письмо к А. М. Рылеевой от 17 сентября 1817 г. — Рылеев. Соч., стр. 441—442).

³ См. Рылеев. Стих., стр. 326—327 и 355. — «Опальное положение», о котором говорил Гардовский, описано было Рылеевым в первом из этих произведений:

Что ты вкрут огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненький, не знаешь,
Что огонь губитель твой?

⁴ Федор Петрович Миллер (он же «маленький Федя») — земляк и сослуживец Рылеева по конно-артиллерийской роте. Рылеев находился с ним в дружеских отношениях, был секундантом на дуэли Миллера с подполковником Сухозанетом (см. упоминания о Миллере в письмах Рылеева к матери и жене. — Рылеев. Соч., стр. 439, 440, 448, 453, 481, 509 и в печатаемых ниже воспоминаниях А. И. Косовского). После казни Рылеева Миллер продолжал оставаться другом его семьи, помогая Н. М. Рылеевой советами в ее имущественных затруднениях. Письма Миллера к вдове Рылеева хранятся в ЦГЛА.

2. Ф. Р. и Г. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГИ — РЫЛЕЕВУ

Дерпт, января 31-го 1818 года

Любезный друг

Кондратий Федорович!

Ты видишь из надписи, что я еще дома; в двенадцать дней мы прибыли сюда; кроме нескольких задержек, путь наш довольно счастлив был. Ты, верно, можешь представить себе, милый, какова была радость матушки и братьев. Они почти уже отчаявались увидеться с нами в этой зиме. Кроме обоих младших братьев, мы нашли еще здесь Ариста и этого брата, который в Петербурге при путей сообщения. Итак, нас шестеро братьев вместе были; одного только не доставало к полному числу; вряд ли опять случится так собираться! Но как приятно свиданье, так больна разлука. Уже вчера Арист уехал в Ригу и Эдуард — в Петербург, куда должности их звали; скоро и мы уедем, и наше пребывание здесь покажется мне как приятный сон, с которым так же трудно расстаться.

Здесь в этой зиме, как почти всегда, очень весело было; редкий вечер, чтоб не было балов, либо концертов, либо других собраний, так что после *донской тишины* почти голова кружится. Во время ярмонки здесь множество офицеров было: гвардейских, армейских, артиллеристов, кирасиров, улан, гусаров и пехотных, и свитских и флотских, так что куда ни смотришь — везде мундиры; теперь почти все уже рассеялось. Мейендорф наш здесь был (уже во фраке) и Штрик теперь здесь (обои в добром здравье). Отчаянный Марков также здесь несколько дней пробыл и на балах гордился с своею свитою артиллеристов; *Розен*, бывший его роты, ему в честь прекрасный бал давал.

Мы по большей части все время здесь провели, кроме маленькой поездки в Ревель и в рижскую сторону. Но что я тебе пишу про наших веселостей, тебе, который в глазах и в сердце имеет свою Наташу <и,> верно, других не желает!

Буксгевден мне пишет с 26-го декабря, что ему отставка вышла и что он только приезда Сухозанета¹ ожидает, чтоб ехать, так же, что он непременно чрез Дерпт поедет, а по сию пору его нет. Дней чрез 10 мы также поедем обратно в роту, чтоб пользоваться еще зимнего пути, который уже делается дурным чрез частые оттепели. Прощай, любезный Кондратий, кланяйся от меня и от брата Анне Ивановне и Михайлу Григорьевичу¹, также Михайлу Андреевичу, Матр(ене) Михайловне, Анастасье² и Наташе; товарищам разумеется само по себе.

Навсегда верный твой друг Ф. Р. У н г е р н - Ш т е р н б е р г

Любезный друг Кондратий Федорович,

Никто из вас к нам <не> писал; маленький Федя³ обещался, а слово не держал, верно вы все *zakochalisię** и мы, между тем, время проводим и здесь очень весело. Я по делам своим в Ревеле и в Риге был, куда, однако ж, я еще раз поеду, чтобы окончить все, а тогда обратно в роту возвращусь. Государь, как слышно, в феврале поедет в Варшаву и потому не ранее как в мае к нам будет. Я к Буксгевдену не писал, он, верно, уже уехал от вас; очень жаль, когда с ним не увижусь. Прощай, любезный друг, кланяйся Петру Онофричу⁴, всем товарищам и нашим друзьям.

Твой искренный друг Г. У н г е р н - Ш т е р н б е р г

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 1—2.

Авторы этого письма — лифляндские бароны Унгерн-Штернберги. В прозаической заметке «Еще о храбром М. Г. Бедряге» (1820) Рылеев упоминал имя поручика барона Унгерн-Штернберга, «столь славно отличившегося при Гальберштате в отряде храброго Чернышова» (Рылеев. Соч., стр. 296). Об одном из братьев мы читаем в воспоминаниях А. И. Косовского: «их было тогда в батареи 6 чел. лифляндцев и курляндцев; все с хорошим образованием, известных фамилий и отличные служакки, которые с прочими 5-ю русскими офицерами жили в согласии; но Рылеев не любил первых, за исключением одного меньшого брата, барона У.-Ф.-Р., который, действительно, был прекраснейшей души и правил» (см. стр. 240). Публикуемое письмо свидетельствует, однако, о дружеском отношении к Рылееву обоих братьев Унгерн-Штернбергов. По всей вероятности, Рылеев встречался с Г. Унгерн-Штернбергом в Петербурге; это явствует из письма Н. М. Рылеевой к Настасье Михайловне Кореневой: «Еще, милая сестрица, уведомляю вас—<...>, барон Густав Романович переведен тем же чином в гвардию в адъютанты. В Петербурге он теперь» (письмо 1823—1824 гг. — ИРЛИ, ф. № 269, оп. 2, ед. хр. 47, л. 2 об.).

¹ Анна Ивановна и Михаил Григорьевич — Бедряги, помещики Острогского уезда, Воронежской губ. См. о них в письме Рылеева к матери от 10 августа 1817 г.: «Иногда посещаем живущую в слободе вдову, генерал-майоршу Анну Ивановну Бедрягу <...> Дом весьма почтенный и гостеприимный, и мы в оном приняты как нельзя лучше» (Рылеев. Соч., стр. 439). В числе офицеров, посещавших дом Бедряги, были и братья Унгерн-Штернберги.

² Михаил Андреевич Тевяшов — острогский помещик, отец невесты Рылеева; Матрена Михайловна — его жена, Анастасья — младшая их дочь (см. о них в воспоминаниях А. И. Косовского, стр. 243—244).

³ Маленький Федя — Ф. П. Миллер (см. о нем в прим. 4 к предыдущему письму).

⁴ Петр Онофриевич Сухозанет — подполковник, командир конно-артиллерийской роты (см. о нем в воспоминаниях А. И. Косовского, стр. 240—241).

3. Ф. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ — РЫЛЕЕВУ

Село Становое. Генваря 14-го дня 1819

Любезный друг!

Кондратий Федорович!

Поздравляю тебя с новым годом, который да будет тебе год благополучия и счастья во всяком отношении. — Я себе представляю, что ты, когда получишь эти строки, будешь уже не только счастливый любовник,

* влюбился (польск.).

но и счастливейший супруг. Не нужно мне написать к тебе длинные поздравительные фразы. Ты знаешь, что я чувствую, и этого довольно. Наталья будет счастлива и Рылеев будет счастлив — этого я не только желаю, но и смело предвещаю. — Жаль мне очень было, что я с тобою не увиделся в Острогжеске; когда ты туда приехал, я уехал 3-го числа по утру и до этого только тогда выходил из квартиры, когда необходимость дел требовала, ибо я чувствовал себя очень слабым и только что теперь начал поправляться. Благодарю тебя за дружеский памятник твой в моем альбауме, также изъяви благодарность Наталье Михайловне за ее листок¹. Он будет лежать возле твоего, а белый между белыми.

Поход наш довольно скучен, как ты себе представить можешь, и я очень рад, что мы теперь уже имеем первую половину за собою. *Тим*, про который ты верно уже забыл, но где тебя еще живо вспомнят, уже пять верст за нами. Подвод везде дают сколько надобно, только везде и надобно платить, разумеется, не полные прогоны, однако ж, тоже не даром. Сухозанет пишет из Харькова, что он там пробудет до 20-го числа и так вряд ли ранее как на новых квартирах к роте прибудет. Шалуна Николенку определил он в благородный пансион, который состоит при Московском университете. В Курске находится теперь новый наш дивизионный генерал Кретов, который как может быть смотреть захочет. Орденски кирасиры хвалят очень новые наши квартиры в Снагосте, где говорят гораздо лучше города².

Что Миллер еще не писал? Он теперь должен быть уже давно у своих. Сливичкий пишет, что он принял уже людей для нас из Дублянского роты, почти таких же как мы им сдали, только с той разницы, что мы им послали хорошо одетых людей, вполне удовлетворенных вместо того, что Дублянский дает людей в рубищах и босых, которые за две трети жалования не получали и аммуниционных уже несколько лет, что Сливичкий и написал в квитанции. Есть ли тут хоть на алтын порядка в службе, когда и не хотел <говор>ить (?) про честность, которая сделалась явлением столь же редким, как кометы. — Прощай, милый, уведомляй нас о себе. Прошу засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Михайле Андреевичу с семейством, так же и Бедрагам, и кого ты еще видишь из наших знакомых, которые нас не забыли. Еще раз прощай.

Твой Ф. У н г е р н - Ш т е р н б е р г

На обороте адрес: Его благородию милостивому государю

Кондратию Федоровичу Рылееву,

господину артиллерии прапорщику конно-артиллерийской роты № 12

в г. *Острогжеск*, а оттуда в слободу *Подгорную*.

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 58, л. 3.

¹ Содержание этих записей, а равно и местонахождение самого альбома, неизвестно.

² Письма офицеров конно-артиллерийской роты позволяют нам установить фамилии большинства из одиннадцати сослуживцев Рылеева: П. А. Сухозанет (командир роты), Ф. П. Миллер, А. И. Косовский, Ф. и Г. Унгерн-Штернберги, Гардовский, В. В. Сливичкий, Буксгевден — всего восемь человек. Со многими из них Рылеев поддерживал дружеские отношения.

4. П. МИХАЙЛОВСКИЙ — РЫЛЕЕВУ

(Киев. 30 сентября 1824 г.)

Милостивый государь и почтеннейший друг

Кондратий Федорович!

Время и пространство суть великие чародеи, но, благодаря провидению, волшебная сила их во мне не властна. Привязавшись один раз

всею душою моею к Вам, унес в отдаление и в самую вечность унесу душевное мое уважение и полную преданность к Вам без малейшей отмены. Это также сила очарования — души Вашей, которой, однако ж, весьма охотно и с удовольствием повинуюсь. Душевные связи не требуют частых уверений, и потому молчание мое, я уверен, Вы не поставите мне в большую вину. Убеждая себя в сей истине, я смелее берусь за ленивое перо мое, которое только слабо изобразить может мое беспредельную благодарность Вам за участие, которое Вы по чистоте и доброте души Вашей берете в улучшение нашего незавидного жребия. Чрез письмо почтеннейшего и несчастного друга нашего Т.ф...и Ст.н.сл.в.вны, к величайшему моему удовольствию, известился я, что Вам, как поборнику истины, сообщена тайна, запечатлевающая в себе чистейший и желанный союз двух добрых сердец, и Вы, приняв оную с свойственным Вам только радушием, занялись тотчас благою мыслию, как придумать средства к облегчению нашей тяжелой участи. Бог, пославший Вам неоцененный дар помогать страждущей невинности, да наградит Вас за сие. Зная Ваше доброе сердце, я был поводом к открытию сему и не ошибся в том, как Вы примете. Щадя Вашу скромность, я удерживаюсь изъяснить Вам неограниченное чувство сердечной моей к Вам признательности; скажу только, что Вы единственный человек, особенно в нынешнем мире.

Долгом считаю также Вас уведомить, что по некоторым обстоятельствам (по-моему, не весьма маловажным), я должен просить Вас немного отсрочить приведением в действо сего благого начала: Вы узнаете о причине сего от почтеннейшей Т<еофании> С<таниславовны>; впрочем, если судьба улыбнется ко мне хотя на одну минуту и доставит мне приятнейший случай видеть Вас в Киеве, о! тогда раскрою Вам всю внутренность моего сердца, и Вы в ней увидите, что принялись за дело недаром.

Любезный друг, щадите и утешайте несчастного моего друга!

Желая сохранить себя навсегда в том расположении, коим Вы меня почтили, с всегдашней неизменною душевною преданностью пребуду до могилы Вашим преданнейшим почитателем и искренним другом

Петр Михайловский

Киев.

30 сентября 1824 года.

Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 284, лл. 1—2.

Письмо неизвестного доселе П. Михайловского связано, повидимому, с одним из драматических эпизодов жизни Рылеева. В 1824 г. им были написаны элегии «Покинь меня, мой юный друг» и «Исполнились мои желанья», в которых говорилось о любви поэта к какой-то женщине:

Покинь меня, мой юный друг;
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...

Исследователи уже связывали содержание этой элегии с увлечением Рылеева некоей «госпожей К.». Об их отношениях рассказал в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев, который, однако, не знал, где Рылеев познакомился с этой женщиной.

Печатаемое выше письмо Михайловского дает материал для такого ответа. Если сопоставить его сообщение о «почтеннейшем и несчастном друге нашем» с сообщением Н. А. Бестужева о том, что госпожа К. приехала в Петербург «по важному уголовному делу о ее муже» (Б е с т у ж е в ы, стр. 16) и что она была полькой по национальности, невольно возникает мысль, что женщина, упоминаемая в письме из Киева, и есть та самая, о которой говорил Н. А. Бестужев. Попробуем проверить имеющиеся в нашем распоряжении данные. «Т.ф...я Ст.н.сл.в.вна» — это, несомненно, «Станиславовна» и вернее всего «Теофания». Михайловский говорил о «несчастном друге нашем», о «тайне, запечатлевающей в себе чистейший и желанный союз двух добрых

«ПЛАВАНИЕ ФРЕГАТА ПРОВОРНОГО В 1824 ГОДУ» Н. А. БЕСТУЖЕВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ В. П. РОМАНОВУ, 1825 г.

«Любезному другу Владимиру Павловичу Романову от Бестужева»

Историческая библиотека, Москва

ПЛАВАНИЕ

ФРЕГАТА ПРОВОРНОГО

ВЪ 1824 ГОДУ.

*Любезному другу
Владимиру Павловичу
Романову
Отъ Бестужева*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Морской Типографіи

1825 года.

сердец». Он обращается к Рылееву, как к «поборнику истины» и просит его «придумать средства к облегчению нашей тяжелой участи». Все эти выражения туманны, но в них не содержится ничего противоречащего сообщениям Н. А. Бестужева. Наконец, из письма Михайловского видно, что Рылеев в пору написания его встречается с «почтеннейшей Т. С.» и что он сможет узнать у нее о причинах желания Михайловского отсрочить его просьбу «приведением в действо». Если мы вспомним о том, что в 1824—1825 гг. Рылеев написал «В альбом Т. С. К.» стихотворение, по своему содержанию совпадающее с рассказом Н. А. Бестужева, станет ясно, что в обоих случаях имелась в виду одна и та же женщина.

Итак, Теофания Станиславовна К. уже виделась с Рылеевым до 30 сентября 1824 г. и даже имела возможность написать о нем в Киев.

О дальнейшем рассказал Н. А. Бестужев. Рылеев, в прошлом заседатель в С.-Петербургской уголовной палате, согласился заняться запутанным уголовным делом «госпожи К.», увлекся ее молодостью, красотой, ловкостью, умом — «всеми очарованиями слез и пламенного красноречия, вдыхаемого ее несчастным положением». Роман их протекал в период между декабрем 1824 и маем 1825 г. Впоследствии возникло подозрение, что «госпожа К.» была шпионом правительства (Бестужевы, стр. 16—21).

Это к «госпоже К.» были обращены следующие стихи черновой рукописи элегии «Покинь меня, мой юный друг»:

Уж я не властен над собою,
Я сам к погибели бегу:
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

[Небрежность милая уборов]
Все мило и прелестно в ней:
[огонь] и [живость]
[томность] [взоров]

И [стройность сладкая] сладость ласкового рта,

Небрежность милая уборов
И нежность чувств, и томность взор(ов).

[Давно ль с тобою я знаком,
О, иноземка молодая;
За что меня ты погубила]
[А сердцем юным изнывая,
Уже я стал твоим рабом
Уже я твой. От первой встречи
Твой образ всюду [слышу] вижу я].

[Боюсь любви, любви хочу]
[Так блеском мотылек [огнем] прельщенный
Кружится робко вокруг огня]

(ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 272, л. 1 об.). — Эти наброски сделаны на обороте листа с автографом «Стансов», написанных в 1824 г.

5. В. П. РОМАНОВ — РЫЛЕЕВУ

«Александрия. 6 декабря 1825 г.»

Вскоре по отправлении последнего письма к Вам, почтеннейший Кондратий Федорович, поражены были печалию, узнавши о смерти нашего царя, многие проливали слезы сожаления; а на сих днях обрадованы были, узнав о восшествии на престол Константина Павловича, который, верно, поддержит правление своего брата и пойдет по следам бабушки.

В том письме просил Вас известить меня, нету ли каких препоручений у Вас на севере, т. е. посылка к полюсу или для описания Северной нашей Америки, а я на все готов, а ежели нету, то хоть на юге в вновь учреждаемой компании; а я желаю быть полезным и исполнять все, что будет препоручено от Вашей компании, и найдете готового

душевно Вам преданного

Владимира Р о м а н о в а

Декабря 6-го дня 1825 года
Александрия Хер(сонской) губ(ернии).

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, д. 30, л. 319.

Судя по дате письма, оно пришло в Петербург уже после ареста Рылеева и, подобно другим письмам к нему (например, от ротмистра Астраханского гусарского полка Н. Антропова), было доставлено в Следственную комиссию. Вверху письма помета карандашом Николая I: «Надо послать приказание губернатору его выслать сюда, а бумаги запечатать». За этим следовала помета: «Пол(учено) 30 дек(абря)». Распоряжение царя было выполнено: только что вышедший в отставку с чином капитан-лейтенанта, В. П. Романов был арестован в имении полковницы Коншиной в Александрийском уезде Херсонской губ. 15 января 1826 г. и в срочном порядке доставлен в Петербург (см. «Декабристы». М., 1925, стр. 57—62).

Просьба В. П. Романова о «препоручениях на севере» и его уверения в том, что он «на все готов», касаются, повидимому, его участия в деятельности Северного общества.

Рылеев отвечал 3 февраля 1826 г. на вопросный пункт о Романове: «Лейтенант Романов знает от меня о существовании Общества и обещал, когда будет нужно, принять участие в достижении цели, предположенной Обществом, и по первому известию приехать, куда будет ему назначено от меня» (см. стр. 196 настоящего тома). О принадлежности Романова к Северному обществу показал и Н. А. Бестужев, сообщивший, что Романова принял в число членов Общества Рылеев (ЦГИА, ф. № 48, д. 78, л. 14). За два дня до того — 1 февраля 1826 г. — Романов показал, что познакомился с Рылеевым, вернувшись в Россию после продолжительного пребывания «в Северо-Западной Америке в наших колониях». Составленные Романовым проекты исследования владений Российско-Американской компании попали в 1824 г. к Рылееву, служившему тогда правителем канцелярии Компании. Познакомившись с проектом, он, по словам Романова, нашел, что «от выполнения одного принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскоею компаниею, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности. Рылеев вызвался стараться согласить директоров, чтобы я был туда отправлен» (см. стр. 230 настоящего тома). В даль-

нейшем отношении Рылеева с Романовым перепли на политическую почву: Рылеев привлек Романова в Тайное общество и дал ему ряд поручений. Романов «после отрицательства от принадлежности к Тайному обществу сознался на очной ставке с Рылеевым, что в июне 1825 г. действительно слышал от него о существовании Общества, но участия никакого не принимал. Потом присовокупил, что Рылеев говорил ему о существовании Общества на юге, членов никого не назвал, а сказал, что если нужно будет за чем-нибудь побывать в Киеве, то он ему о сем напишет, и если, возвратясь в Петербург, захочет быть членом, тогда узнает все подробности. При отъезде же его Рылеев поручал ему разглашать повсюду о необходимости введения конституции; он, живя в деревне и не имея ни с кем сношений, не исполнял сего поручения» («Алфавит декабристов», стр. 165—166).

По докладу Следственной комиссии Николай I приказал, продержав Романова «еще три месяца в крепости, отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении» (там же, стр. 166). В. П. Романов умер в 1861 г., дослужившись до чина контр-адмирала.

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К РЫЛЕЕВУ*

Составила Л. Н. Назарова

Расположение материала — хронологическое, по датам написания писем. При распределении писем в хронологическом указателе учтены как документальные датировки (то есть датировки писем самими корреспондентами), так и даты, установленные исследователями и комментаторами. Для писем с уточненными при повторных публикациях датами принята последняя, более точная дата.

Библиографическая запись содержит дату написания письма, инициалы и фамилию корреспондента и указание источника, в котором письмо опубликовано.

1813

1. Апрель. 30. Ф. А. Рылеев. — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 71—72.

1816

2. Сентябрь. 3. И. С. Зубковский. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. Изд. 2. СПб., 1874, стр. 303—305.

1817

3. Октябрь. 19. А. М. Рылеева. — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 73—74.

1822

4. Октябрь. 30. Ю. У. Немцевич. — «Вестник Европы», 1888, № 11, стр. 201—202.

1823

5. Январь. 23. П. А. Вяземский (А. А. Бестужеву и Рылееву). — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 312.

6. Сентябрь. 8. Ф. В. Булгарин. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 250—251.

7. <1823—1825.> Величко. — «Русская старина», 1889, № 1, стр. 325.

1824

8. Январь. 24. П. А. Муханов. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 327.

9. Январь. 31. П. А. Муханов. — Там же, стр. 325—326.

* В фонде Рылеева в ЦГИА (№ 423) хранятся девять неопубликованных писем и записок к нему:

Письмо содержательницы петербургского пансиона С. Кавецкой без даты <1822—1825> (ед. хр. 35, лл. 1—2).

Письмо А. Д. Коренева 26 ноября 1819 г. (ед. хр. 36, лл. 1—2).

Шесть записок Е. И. Малютиной без даты <1821—1825> (ед. хр. 37, лл. 1—6, 9 об.; ед. хр. 39, л. 1).

Записка Е. П. Малютиной без даты <1821—1825> (ед. хр. 38, лл. 1—2). — *Ред.*

10. <Январь — март ?>. Е. А. Баратынский (А. А. Бестужеву и Рылееву). — Там же, стр. 321—322.
11. Март. 30. П. А. Муханов. — М а с л о в, прилож., стр. 96—97.
12. Апрель. 13. П. А. Муханов. — К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 337—340.
13. Ноябрь. 11. О. М. Сомов. — Там же, стр. 340—341.
14. Ноябрь. 25. О. М. Сомов. — Там же, стр. 341—342.

1825

15. Январь. 25. А. С. Пушкин. — П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIII. Изд. Акад. Наук СССР. М. — Л., 1937, стр. 134—135.
16. <Март 14—26>. Ф. В. Булгарин. — «Русская старина», 1871, № 1, стр. 70.
17. Май. 12. А. А. Бестужев. — П у ш к и н. Временник Пушкинской комиссии, VI. М. — Л., 1941, стр. 259—260.
18. <Май. 15—31>. А. С. Пушкин. — П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XIII. Изд. Акад. Наук СССР, стр. 175—176.
19. <Весна или осень>. Е. И. Малютин. — «Былое», 1925, № 5 (33), стр. 43.
20. <Июнь. 15—30 — август>. А. С. Пушкин. — Там же, стр. 218—219.
21. Июнь. 27. В. И. Штейнгель. — «Литературный архив», I. Изд. Акад. Наук СССР. М. — Л., 1938, стр. 424—425.
22. Сентябрь. 25. Н. А. Маркевич. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 597—599.
23. Октябрь. 21. А. Ф. Бригген. — М а с л о в, прилож., стр. 97—98.
24. Ноябрь. 6. П. Г. Каховский. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 600.
25. Декабрь. 21. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 292.
26. Декабрь. 26. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 294—295.
27. Декабрь. 30. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 296—297.

1826

28. Январь. 3. Н. А. Антропов. — «Красный архив», 1929, № 5 (36), стр. 208 (опубликовано по копии; воспроизведение автографа см. на стр. 181 настоящего тома).
29. Январь. 7. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 298—299.
30. Январь. 16. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 299—300.
31. Январь. 25. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 301—302.
32. Февраль. 9. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 302—303.
33. Февраль. 20. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 303—304.
34. Март. 17. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 306—307.
35. Март. 20. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 308.
36. Март. 31. Н. М. Рылеева. — «Былое», 1925, № 5 (33), стр. 33.
37. Апрель. 15. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 312—313.
38. Апрель. 22. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 314—315.
39. Май. 8. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 315—317.
40. Май. 18. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 317—318.
41. Май. 26. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 320—321.
42. Июнь. 4. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 326—328.
43. Июнь. 24. А. Ф. Рылеева. — М а с л о в, прилож., стр. 99—100.
44. Июнь. 25. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 331—332*.

* А. Г. Цейтлин неверно указал, что П. Корелин располагал «десятками неопубликованных писем Миллера к Рылееву» (Рылеев. Соч., стр. 820). На самом деле у Корелина в руках были письма Миллера к вдове Рылеева (см. «Былое», 1925, № 5, стр. 44).